

АКТ МОЛЧАНИЯ КАК НОСИТЕЛЬ ИСТИННОЙ/ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

С.В. КРЕСТИНСКИЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет», г. Тверь*

В статье рассматривается коммуникативный акт молчания как носитель истинной или ложной информации с точки зрения коммуникативных постулатов Грайса.

Ключевые слова: акт молчания, коммуникация, информация

ACT OF SILENCE AS A CARRIER OF TRUE / FALSE INFORMATION

S.V. KRESTINSKY

The article considers the communicative act of silence as a carrier of true or false information from the point of view of Grice's communicative postulates.

Keywords: act of silence, communication, information

«Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным.... Не говори того, что ты считаешь ложным... Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» – гласит всем хорошо известный постулат категории Качества Г.П. Грайса. А может ли молчание вообще содержать истинную или ложную информацию, может ли оно быть искренним или неискренним?

Ф. Тютчев утверждал: "Мысль изреченная есть ложь", – подразумевая при этом, возможно, что мысль неизречённая, т.е. молчание, есть не-ложь, есть нечто истинное и правдивое.

Мария Аввакумова спустя более 100 лет пишет:

Я никому молчанием не лгу,

Я никого молчаньем не калечу.

Нет смысла в крике, в слове - больше нет.

Ищу я смысла в помнящем молчанье.

О, не темно оно! Там зреет свет.

Эти строки явно подразумевают, что слово – ложь, молчание – правдиво. Слово может искалечить, оскорбить. Молчание – нет. Слово дискредитировало себя, оно обесценено, обесмыслено, к нему потеряно доверие, оно – ложь. Выход - в молчании, которое всё помнит и вселяет надежду.

Дж. Стейнер в работе "Молчание и поэт" пишет: "...переоценка молчания – в гносеологии Витгенштейна, в эстетике Веберна и Кейджа, в поэтике Беккета – является одной из самых характерных черт современного духа" (Steiner 1984:67). К этому списку следует добавить и А.П. Чехова, в пьесах которого молчание играет не менее важную роль, чем слово. И, видимо, не случайно в искусстве XX века - в музыке, театре, поэзии – там, где слово или звук традиционно всегда играли главную роль, центр тяжести перемещается в сторону молчания, паузы, тишины. В эпоху гипертрофии звука, слова, громкости у человека возникает естественная потребность в тишине. Отсюда,

наверное, и у А. Вознесенского: «Тишины хочу, тишины, ... нервы, что ли, обожжены?»

Из выше сказанного можно предположить, что акт молчания может быть искренним и истинным. Ведь молчание как коммуникативный акт чаще всего провоцируется определённым эмоциональным состоянием, а эмоции, как правило, не бывают ложными, если это, конечно, не театр (в прямом и переносном смысле слова) и не розыгрыш. И в этом смысле молчание, конечно, не может быть ложью. Но рассмотрим несколько примеров

(1)

Только Янсон, декан Сашиного факультета, невозмутимый латыш, обращаясь к директору института Глинской, примирительно сказал:

– Может быть, дать ещё срок?

Глинская молчала. Сидела с обиженным видом человека, которого наградили таким негодным заместителем. А Рыбаков Дети Арбата

В данном контексте молчание имплицитно выражает недовольство и обиду, связанные с нерешительностью Янсона. Эта нерешительность противоречит позиции Глинской, требующей исключения Саши из института без всяких «но». Поэтому сомневаться в искренности и истинности молчания (обиды и недовольства) не приходится.

(2) "Kinder, sagte ich, der Vater lässt euch grüßen Er hat mir Geld für euch gegeben."

Sie sagten nichts. I

Vater kommt bald zurück", sagte ich.

Wieder sagten die Kinder nichts.

Und plötzlich sah er mir auf und sagte ruhig:

„Er ist gar nicht krank, er gibt ja noch Stunden

Clemens ... sah mich ruhig an und sagte:

Beisen hat es mir erzählt..

Ich wusste davon nichts.

„Es gibt Krankheiten, sagte ich; derentwegen man nicht im Bett zu liegen braucht." Sie Kinder sagten nichts. Sie zogen ab.

H. Böll Und sagte kein einziges Wort

Молчание детей в этом фрагменте провоцируется тем обстоятельством, что они узнали правду: их отец не болен, мать их обманывает, объясняя его отсутствие тем, что он болен. Ввиду своего социального статуса они не могут сразу сказать матери прямо, что она их обманывает. В результате невербализованная цепочка пропозиций этих актов молчания "Это неправда. Ты нас обманываешь. Мы на тебя обижаемся." становится в данной ситуации имплицатурой всех трёх актов молчания. При этом интересно, что речевые акты матери содержат ложную информацию (чем нарушается постулат Качества: «Не говори того, что ты считаешь ложным»), а силенциальные акты – молчание детей – истинную.

Эти примеры, на мой взгляд, достаточно убедительно показывают, что акту молчания в определённом контексте может быть присуща категория истинности.

Ещё один интересный пример: диалог Джулии и сэра Чарльза из романа С. Моэма "Театр" (Для экономии места и удобства анализа здесь приводится только схематизированный вариант данного эпизода романа):

(3)

Д. 'Are you going away?'

Ч. 'No. But I'm not going to see you any more.'

Д. Why?

Ч. 'I think you know just as well as I do.'

Д (1) Молчание около минуты. Поднимает глаза на Чарльза. Начинает плакать.

Ч. 'You're in love with Michael, aren't you?'

Д. (2) Молчание. Чуть заметно кивает головой.

Ч. 'There's no chance for me at all?'

Д. (3) Молчание. Кусает ногти. Смотрит на него со слезами.

Ч. 'Don't you know what torture it is to go on seeing you? D'you want me to go on seeing you?'

Д. (4) Молчание. Чуть заметно кивает.

Ч. 'Clara's making me scenes about you. She's found out I'm in love with you. It's only common sense that we shouldn't see each other any more.'

Д. (5) Молчание. Качает головой. Всклипывает. Откидывается в кресло и отворачивается.

Ч. 'For God's sake don't look so unhappy. I can't bear it. Oh, Julia, Julia, I love you so much, I can't make you so miserable. I'll accept anything. I'll make no demands on you.'

Д. (6) Молчание. Поворачивает к нему лицо. Про себя: ('God, what a sight I must look now') Протягивает ему губы.

Ч. Целует её.

Д. 'I don't want to lose you,' she muttered huskily.

Коммуникативным фокусом данного диалога является молчание Джулии. Джулия молчит намеренно и искусно: она знает, как долго нужно молчать, как нужно молчать, где нужно молчать, чтобы произвести необходимый ей эффект. Здесь мы имеем очень яркий пример стратегической функции молчания. Всё, что делает Джулия в этой сцене – театр. Каждый из шести актов молчания – это точно рассчитанный коммуникативный ход, работающий на одну общую макроинтенцию, а именно: заставить Чарльза остаться с ней. Первый акт молчания – рассчитанный по времени коммуникативный ход ("timing it perfectly"). Это как бы пролог к основному действию, целью которого является создать соответствующее эмоциональное состояние и вызвать у себя слёзы. Он, как и все остальные акты молчания, является коммуникативным действием в полном смысле этого слова и информативно чрезвычайно насыщен. (2) и (4) имплицитно утверждают утвердительный ответ, (5) – несогласие, (6) – благодарность за

признание. Причём все акты молчания в данном фрагменте сопровождаются дополнительными средствами коммуникативного невербального поведения – невербальными и невербально-экспрессивными средствами общения. К первым относятся кинемы 'поднимает глаза', 'кивает головой', 'качает головой', 'кусает ногти', 'смотрит со слезами' и проксемы 'откидывается в кресло', 'отворачивается', 'поворачивает к нему лицо', 'протягивает ему губы'. Ко вторым относятся экспрессемы – невербальные знаки, вызванные определённым эмоциональным состоянием, которые мы и видим, и слышим, как например, смех, плач и т.д., – 'начинает плакать' и 'всхлипывает'.

Является ли информация, которую содержат эти акты молчания, истинной или ложной? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к пресуппозициональному содержанию анализируемых актов молчания, т.е. проследить всю историю взаимоотношений Джулии и мужа, с одной стороны, и Джулии и лорда Чарлза, с другой. И тогда оказывается, что не только все акты молчания, но и всё коммуникативное поведение Джулии в данной ситуации является ложью. В акте молчания (2) утвердительный ответ не соответствует действительности, поскольку она не любит своего мужа. Интрасиленциальное содержание акта молчания (3) значительно сложнее и более многопланово. Чарлз понимает молчание Джулии как ответ, подтверждающий отрицание: "Нет, у вас нет никаких шансов, потому что я люблю своего мужа". Об этом говорит последующая реплика Чарлза с имплицатурой: "Я вас люблю, а вы меня нет, и у меня нет никаких шансов на взаимность, поэтому мне мучительно видеть вас". У Чарлза действительно нет никаких шансов, но не потому, что она любит своего мужа, как думает лорд Чарлз, а по целому ряду других причин, и в первую очередь, по причине их слишком разного социального статуса: он лорд, а она – актриса, дочь ветеринара. С другой стороны, по чисто конъюнктурным соображениям ей выгодно, чтобы он остался при ней в качестве поклонника и друга. Но, естественно, она ему об этом не говорит, а вести в силу своего пола, характера, психологического состояния и профессии (социального статуса) вести игру.

Налицо явная коммуникативная неудача: "... прагматическое непонимание партнёров в процессе реализации типовой цели диалогического взаимодействия...", когда "используемые для типового иллокутивного сценария диалогические шаги (в данном примере это акты молчания, сопровождаемые невербальными знаками, которые в конвенциональном контексте означают согласие или подтверждение (2) и 'нервничать' и 'быть сильно расстроенным' (3) и не выполняют своей функциональной 1гредназначенности, но и не прерывают диалогического единства..." (Кънева 1999:61-62) в пределах данного интерактивного действия. Акты молчания (4), (5) и (6), рассмотренные в контексте только данного фрагмента, содержат вроде бы истинную информацию, но при условии знания всех пресуппозиций также оказываются содержащими ложную информацию. Таким образом, акт молчания оказывается способным имплицировать не только истинную, но и ложную информацию: Джулия своими молчаливыми ответами на вопросы Чарлза обманывает его. При этом молчание Джулии это не просто акты

молчания, но это еще и акты умолчания, поскольку это не просто произнесение тех или иных речевых актов, неактуализирование неких пропозиций в силу определённых контекстуальных условий, а это их сознательное сокрытие и, в конечном счёте, ложь.

На это явление указывает В.И. Свинцов: "Ситуация молчания приобретает характер лжи под действием определённых метаинформационных конвенций, в соответствии с которыми X должен информировать Y относительно некоторых фактов. (...) Нарушение этой нормы приводит в действие механизм дезинформации умолчанием, поскольку X связан с ним упомянутой конвенцией, отсутствие сообщения о Фобл (облигативный факт – С.К.) презумптивно воспринимается им как ситуация, равнозначная сообщению об отсутствии Фобл" (1983:71).

Молчание – позиция, форма поведения в обществе, означающая уход от решения проблем, сокрытие проблем, уход от социальной и этической оценки того или иного события. Молчание в данном контексте становится уже философской и этической категорией.

Представленные в данной статье столь разные примеры показывают, что есть молчание и молчание: молчание в узком смысле слова как элемент частного диалога, как коммуникативный шаг и молчание в широком смысле как форма социального поведения, как позиция, намерение которой определяется политической стратегией. Такое молчание имеет часто форму умолчания, т.е. пропуска информации, информационной лакуны. Если акт умолчания совершается преднамеренно и сознательно с целью сокрытия какой-либо информации от общества, то такой акт представляет собой форму лжи.

Молчание не является ложью, если оно имеет непреднамеренный характер и возникает спонтанно в процессе речевого общения под воздействием определённых психологических и социальных условий; если молчание преднамеренное, но его имплицативное содержание однозначно в силу контекстных условий и легко вербализуется, из чего становится явной истинность его содержания; если акт молчания имеет конвенциональный или ритуальный характер.

Молчание является ложью, если оно используется намеренно и сознательно с целью дезинформации получателя о наличии тех или иных фактов или намерений, и последний поэтому считает, что таковые отсутствуют. Молчание в этом случае часто приобретает форму умолчания, т.е. является сознательным пропуском в дискурсе соответствующей информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
2. Кънева Н.К. Коммуникативные неудачи //Лингвистический вестник Вып. 1 Ижевск, 1999.
3. Свинцов В.И. Отсутствие сообщения как возможный источник информации: логико-гносеологический аспект// Философские науки. 1983. № 3.
4. Steiner G. Silence and Poet // Language and Silence. Essays 1958-1966. – Faber and Faber. – 24 Russel Square. - London. - 1984. – P. 55-74.